

Цзян Сэнь уже не мог понять, что именно выводит его из себя сильнее — этот одержимый взгляд Аллена или этот запах, похожий на феромоны. Но он решил не разбираться. Он развернулся и пошел прочь, даже не обернувшись на истеричные крики омеги за спиной.

Только выйдя из зимнего сада, Цзян Сэнь вспомнил, что за последние дни у него не было времени проверить сообщения на втором аккаунте. Он достал терминал, переключился на другой профиль и увидел сообщение, отправленное прошлой ночью. Очень короткое.

[Чэнь Чживэй: Суд из-за дождя перенесли на три дня. Я собиралась уезжать из отеля «Карлу», но меня окружила группа людей в военной форме. Хорошо, что меня спасли, но мой спаситель пострадал. Я почувствовала себя очень виноватой, поэтому решила временно присмотреть за ним.]

...Люди в военной форме?

Цзян Сэнь замер.

Через несколько секунд он быстро сложил пазл.

Информация о дополнительных законах пяти городов просочилась. И данные о нем и о ней точно слили через Карлу!

Цзян Сэнь выругался. Он и представить не мог, что Карлу осмелятся на такое!

Он быстро отправил сообщение.

[Цзян Сэнь: Где ты сейчас? Я высылаю людей.]

Он прождал несколько минут, но ответа не было.

Цзян Сэнь задумался на пару секунд, а затем тут же позвонил адъютанта:

— Свяжите меня с верховным судьей пяти городов.

Влияние временной метки на человека со временем ослабевает, но первые два дня — самые тяжелые, а потребность омеги в утешении особенно сильна.

Я повторяла это себе, пытаясь вытерпеть Фэйжуя. Эти два дня — вчера и сегодня — он практически висел на мне, постоянно находя повод для физического контакта.

То обнять, то за руку взять, то просто прижаться кожей к коже.

Я была совсем не против, но невозможность перейти к чему-то большему превращала это в пытку. Приходилось одновременно сдерживать себя, подчиняться его требованиям и еще удерживать на лице подходящее выражение.

Что тут скажешь? Я больше не могла играть.

Ближе к вечеру, когда я думала, что наконец смогу передохнуть, Фэйжуй отказывался униматься.

— Я не могу спать на такой кровати, — снова начал он. На его лице красовалась все та же мягкая, доброжелательная улыбка. — Поменяй ее, хорошо?

У меня не было права отказать, но он все равно спрашивал. Наверное, высшим классам так сложно смириться с тем, что они просто пользуются другими людьми, и чтобы их не мучала совесть, им нужно, чтобы все было «добровольно», чтоб успокоиться.

Я кивнула и добавила:

— Здесь очень скромные условия, менять особо не на что. Если нужно, я могу сходить купить что-то.

— Сходить? — улыбка Фэйжуя слегка застыла. Он тут же впился в меня взглядом. — Ты хочешь уйти?

«...А что мне еще делать? Вызвать фургон с кроватями, чтобы ты выбрал подходящую?».

Я промолчала.

Но Фэйжуй уже начал впадать в панику от мысли о разлуке. Он посмотрел на кровать, потом на меня — словно не мог сделать выбор. Через несколько секунд улыбка вернулась на его лицо, и он сказал с полной безмятежностью:

— Тогда ладно, не нужно. Не утруждай себя.

С этими словами он снова поднялся и сел рядом.

На столе стоял ужин, только что принесенный из гостиницы. Блюда были скудные, а яблоки даже на вид казались несвежими.

Фэйжуй сказал:

— Хочу яблоко.

«Ну так ешь! Я же не могу превратиться в яблоко!».

— Надо почистить? — осторожно уточнила я. Он кивнул, и мне осталось лишь смириться и взяться за нож.

Чистить яблоки я не умею, а кожуру, если она не смертельно опасна, обычно ем вместе с мякотью. Поэтому сейчас я сосредоточенно пыталась почистить плод, но получалась только прерывистая полоска, от которой кое-где отваливались куски яблока.

Смотреть на это было больно, но я делала вид, что так и надо. И тут Фэйжуй снова придвинулся ко мне. Он положил голову мне на плечо, навалившись почти всем телом, и я услышала его тихий голос:

— Как-то криво.

«Да елки-палки! Главное, что съедобно! Что ж вы все такие привередливые?!».

Я замерла на мгновение и сказала:

— Прости, я обычно не чищу яблоки. Обычно просто ем их целиком.

— Но так есть их странно, — Фэйжуй задрал голову, глядя на меня. В его синих глазах читалось откровенное отвращение. — Они же сухие.

Мне стало не по себе. Я попыталась чуть отодвинуться, но в следующую секунду Фэйжуй произнес:

— Не двигайся.

Мне пришлось замереть и продолжать чистить яблоко. Но Фэйжуй вел себя крайне беспокойно: он с почти блаженным видом улегся головой мне на колени. Я чувствовала, что больше не выдержу.

— Мне кажется...

— Ты обещала.

Фэйжуй произнес всего два слова.

Я замолчала. Мне пришлось наклониться, держа яблоко и нож на весу над столиком, чтобы сок случайно не брызнул ему в лицо. Но чем медленнее я двигалась, тем сильнее сжимала яблоко. Из суховатого плода даже выступил сок, сделав мои пальцы липкими и влажными. Взгляд Фэйжуя надолго прикипел к моим пальцам, и я услышала, как он судорожно сглатывает.

...Что-то мне подсказывает, что ничего хорошего мне это не сулит.

И действительно — в следующее мгновение голова Фэйжуя опустилась мне на живот, а его горячее дыхание обожгло мою кожу.

Я вздрогнула так, что нож полоснул по пальцу.

Слабый, едва уловимый запах крови разлился в воздухе.

Фэйжуй поднял голову. Красная кровь зловещим отблеском отразилась в его синих глазах.

Я быстро помогла ему сесть прямо.

— Пойду вымою руки.

Фэйжуй прикусил губу, неотрывно глядя на кровоточащий палец. Казалось, он хочет что-то сказать, но в итоге он все-таки промолчал.

Я пулей влетела в ванную, принялась мыть руки и заодно обдумывать ситуацию.

Сегодняшний день наконец-то подходит к концу. Нельзя сейчас оступиться. Если я допущу ошибку, моя жизнь, того и гляди, покатится под откос — и придется начинать все заново, с чистого листа.

Я медленно наклонилась, развернулась и заперла дверь ванной изнутри.

Блин, до чего же я дожила — буквально блюду целомудрие.

В гостиной за дверью ванной Фэйжуй слышал шум льющейся воды и снова не смог сдержать нарастающую тревогу.

«Влияние временной метки на человека ослабевает со временем, поэтому первые два дня — самые тяжелые, а потребность омеги в утешении особенно сильна».

Фэйжуй повторял эти слова сам себе. Его рассудок был абсолютно ясен, он понимал, что все его поведение — лишь следствие метки. Но когда солнце село и наступила ночь, эта краткая разлука мгновенно пробудила в нем жгучую ненависть к собственным вчерашним поступкам.

Ненависть к себе, так жаждущему того тепла. Ненависть к тому, что использовал друга как приманку, чтобы заманить ее. И еще более сильную ненависть к тому, что позволил какой-то презренной женщине поставить на себе метку.

В этот миг на Фэйжуй обрушилась вся его собственная ярость и ненависть. Его захлестнуло неконтролируемое отвращение к самому себе и столь же неконтролируемая ненависть к Чэнь Чживэй. Это она поставила на нем метку, но страдать приходится ему, а она, совершенно не затронутая этим, всячески его отталкивает.

Это вызывало в нем чувство поражения и унижения.

Особенно сейчас.

В этой крошечной гостиничной комнате он слушал шум воды и, подняв взгляд, видел за окном бесконечный, монотонный дождь.

Этот дождь тянулся уже слишком долго. Мрачное небо давило, а в воздухе стояла душная, невыносимая тяжесть.

Фэйжуй стало жарко и душно, на кончике его носа выступил пот, и ему казалось, что он задыхается. Он понял, что хочет пить, и перевел взгляд на столик, где лежало наполовину почищенное яблоко, неровное и уродливое на вид. Мякоть слегка пожелтела, и лишь один участок алел необычно ярко — там, куда попала кровь Чэнь Чживэй.

Запах ржавчины, железа, должен был быть едва различим, но он смешался с привкусом феромонов, напоминающим ладан, и вдруг стал пугающе отчетливым.

Фэйжуй хотелось пить все сильнее.

Он взял это сморщенное яблоко. Его кадык дернулся, а воздух вокруг, казалось, стал еще более вязким и разреженным.

И в этот момент Фэйжуй ощутил нахлынувшую волну феромонов. Они бушевали, кричали, как оглушительные фанфары, от которых он на несколько секунд почти лишился слуха.

Тяжелой громадой навалились не только тучи. Но и кое-что еще.

Лицо Фэйжуй вспыхнуло жаром, мысли спутались. Он сжал яблоко в кулаке и с ненавистью

установился на дверь ванной.

Что... что она там делает?!

В голове Фэйжуя кипели только проклятия и ругательства. Он был похож на наивного омегу, впервые осознавшего, что у альф тоже бывают желания. Но он вовсе не был наивным! Он всегда умело лавировал в обществе, умно и цинично оценивая людей, играя их желаниями, как забавными игрушками.

Но с таким он никогда не сталкивался. Даже разделенный стеной, даже на расстоянии, он не мог подавить в себе жгучее, отвратительное чувство.

Мерзость. Мерзость. Мерзость.

Какая же она мерзкая.

Тошнотворная.

Безродная, низкая, грубая, мерзкая...

В его мыслях кипели бесчисленные оскорбления. Ему нужно было уйти сейчас же. Сослаться на что угодно перед родителями, перетерпеть оставшиеся два дня где угодно, только не здесь.

Да, нужно убираться. Немедленно. Нельзя больше оставаться здесь!

Фэйжуй твердил себе это, но его взгляд был прикован к двери ванной, а ноздри вдыхали только эти феромоны.

Шум воды и шум дождя постепенно сплетались воедино.

Фэйжуй хотел разразиться бранью, но ноги сами несли его вперед. И когда он осознал, что тело больше ему не подчиняется, он уже стоял, вжавшись в дверь ванной.

Новая волна отвращения к себе и сопротивления захлестнула его. Унижение и тревога были так сильны, что слезы навернулись на глаза. Он страдает от метки, а она... Она ведь тоже чувствует то же самое! Почему она не помогает ему облегчить боль? Почему предпочитает действовать вот так? Истинные чувства вырвались наружу, паника Фэйжуя искала выхода и не находила его, и в итоге он просто привалился к дверному косяку.

Сквозь шум воды и щели в двери просачивались феромоны. В руке он все еще сжимал окровавленное яблоко.

— ...М-м... а-ах...

Фэйжуй слышал невнятные звуки, смешанные с шумом воды. Каждый звук, казалось, наотмашь бил по нему. Его губы окончательно пересохли, а взгляд затуманился, пока он растерянно и беспомощно пытался противостоять этой жгучей атаке. И тогда он устался на яблоко.

Хрусь

Яблоко хрустнуло на зубах.

Капли воды стучали не переставая, ее голос, казалось, растворялся в воде. Но быстрее воды растворялось его сознание.

Фэйжуй кусал окровавленное яблоко снова и снова, его тело почти обмякло. Он запрокинул голову, глядя на пыльную, тусклую люстру.

Люстра, казалось, начала вращаться у него перед глазами, вызывая головокружение. Дышать становилось все труднее, и он запрокидывал голову все выше, сжимая зубами яблоко, пока сок стекал по уголкам губ.

Еще до того, как шум воды в ванной стих, тело Фэйжуя в какой-то миг внезапно лишилось последних сил. Он, сам не зная почему, усмехнулся. В его голове царил полный хаос, и только во рту оставался свежий яблочный аромат.

«...И привкус крови», — подумал Фэйжуй.

Но хаос в его голове длился недолго. Чьи-то слова вонзились в него, как острое лезвие, разрубив все чувственные наслаждения.

— ...Эшли...

Фэйжуй слышал чужое имя.

<http://bllate.org/book/13204/1570690>